

ВЕЙМАРН И АРТЕМЬЕВ: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ РАЗНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ГОРНЫХ ВУЗОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

А. Г. Шорин

В статье рассказывается о начальном периоде становления двух вузов: Уральского горного института и Московской горной академии. Это был период конкуренции и даже противостояния этих учебных заведений вследствие разных условий формирования: один из них был создан еще до революции, второй же создавался уже как советский вуз. Поэтому оба вуза на начальном этапе их развития рассматриваются как разные педагогические системы. Эти различные подходы переплетены с судьбами создателей первых руководителей этих вузов – Петра Петровича фон Веймарна и Дмитрия Николаевича Артемьева, так как при разных педагогических подходах оба они оказались в итоге противниками Советской власти и уехали из страны, а их имена остались известны только узкому кругу людей в нашей стране. Далее рассматривается уже более поздний советский период развития этих вузов, где они все более становятся похожими друг на друга.

Ключевые слова: Уральский горный институт; фон Веймарн; Артемьев; Уральский государственный горный университет; Московская горная академия; Московский горный институт.

Почему уральцы были против?

30 августа 1918 года в Москве состоялось совещание по устройству в Москве Горной академии, от которого сохранился черновик протокола. Комиссия, которая решала судьбу создания нового вуза, собралась в таком составе: председатель Д. Н. Артемьев, представлявший Наркомпрос¹ Б. В. Дидковский – представитель Областного совета народного хозяйства Урала, Н. М. Федоровский² – представитель Горного отдела ВСНХ³, Ф. Ф. Сыромолов, представлявший Наркомфин⁴, и Я. Я. Энслен, представлявший народный комиссариат государственного контроля.

Еще до этого совещания вопрос о создании академии обсуждался на коллегии народного комиссариата просвещения, на коллегии Наркомпроса, а также на страницах газеты «Известия» [1], однако именно оно имело решающее значение.

Инициатором создания вуза был Дмитрий Николаевич Артемьев, в ближайшем будущем – первый ректор Московской горной академии, а также Николай Михайлович Федоровский, его ближайший друг и соратник. Поэтому Артемьев на совещании представлял проект вуза, а Федоровский активно его поддерживал.

Против этого проекта были двое: Федор Федорович Сыромолов и Борис Владимирович Дидковский. Первый – коренной уралец, поднявшийся до высших должностей в Москве⁵, второй – на тот момент представитель Урала, а в будущем – ректор Уральского государственного университета⁶.

Почему же именно уральцы высказались против?

Согласно протоколу, Сыромолов интересуется, где для вуза будут подбираться кадры и материальное обеспечение. На что Артемьев отвечает, что кадры даст горный отдел ВСНХ (Федоровский как представитель этого отдела одобрительно кивает), а также Горный институт в Петрограде. Сыромолов спрашивает, не пострадает ли от этого кадровый состав этих институтов, на что реагирует Дидковский, заявив, что не только пострадает Петроградский горный институт, но и придется из-за этого приостановить работу по созданию Горного института в Екатеринбурге. В итоге Сыромолов заявляет, что научную

мысль нужно прививать «на местах», а проект Горного в Москве – это «брошенные деньги».

Несмотря на это противостояние, общее решение склонилось в пользу проекта Артемьева. А в октябре Наркомпрос принял окончательное решение в пользу открытия Московской горной академии.

Однако нам сегодня интересно отыскать корни этого противостояния, которые на самом деле угнездились намного глубже, чем может показать нам этот небольшой эпизод. Потому что это было, по сути, противостояние двух разных систем.

Для того чтобы проследить формирование этого конфликта интересов, нам нужно подробнее рассказать о создателях и первых ректорах двух горных институтов: Веймарне и Артемьеве.

Разные системы, похожие судьбы

Пробуя заглянуть в суть проблемы, которая выявилась на совещании по устройству Горной академии, мы можем рассматривать Уральский горный институт и Московскую горную академию как пример двух различных образовательных систем, которые в тот период пытались противостоять друг другу. Первая создавалась ректором Уральского горного института Петром Петровичем фон Веймарном, вторая – ректором Московской горной академии Дмитрием Николаевичем Артемьевым.

Несмотря на противостояние, обе эти системы имели одно основание – Петроградский горный институт. Сами ректоры этих вузов, несмотря на принципиально различный подход, в итоге оказались противниками Советской власти и из-за этого в СССР были «персонами нон грата», будучи известными только узкому кругу специалистов, тогда как их вузы, преодолев трудности становления, стали со временем широко известными и во многом похожими.

Начнем с Уральского горного института.

Вопрос об открытии на Урале собственного Горного института решался очень долго. Несмотря на то, что Урал, начиная еще с XVIII века, стал ведущим индустриальным районом страны, подготовка горных инженеров осуществлялась в Санкт-Петербургском горном университете, причем бытовало мнение, что его недостаток – удаленность от Урала [2]. А в XIX веке Урал стал не только территорией, где было сконцентрировано наибольшее число горных заводов, но и своеобразной «Меккой» для отечественных и зарубежных геологов, которые проводили здесь собственные исследования. Таким образом, идея об открытии здесь собственного вуза муссировалась не меньше века, и только финальный этап борьбы за открытие Горного института между двумя городами – Екатеринбургом и Пермью – затянулся на целых 18 лет: с 1806 по 1914 год [3]. Так, например, еще в 1898 году журналист газеты «Урал», фантазируя о будущем Екатеринбурга, предрекал открытие именно Уральского горного института [4]. В итоге победил Екатеринбург, где указом императора Николая II 3(16) июля 1914 года был открыт собственный вуз, который изначально именовался Екатеринбургским горным институтом, а в январе 1917 года был переименован в Уральский горный ин-

¹ Народный комиссариат просвещения РСФСР (здесь и далее – прим. авт.).

² Его фамилия в черновике протокола написана с ошибкой, однако из контекста становится понятно, что речь идет о нём.

³ Высший совет народного хозяйства РСФСР.

⁴ Народный комиссариат финансов РСФСР.

⁵ Федор Федорович Сыромолов учился в Горном училище Екатеринбурга и был здесь участником революционного движения в 1905 году. В 1919–1921 годах в Москве исполнял обязанности заведующего финансами ВСНХ, был председателем Горного Совета, наблюдающего за научно-техническим отделом, Главным геодезическим управлением, членом ЦК горнорабочих, членом Малого Совета народных депутатов, членом президиума Госплана.

⁶ Борис Владимирович Дидковский в 1920 году возглавил Уральский геологический комитет, был председателем Уралразведки, Уралплана, управляющим Уральским геологическим трестом. Второй по счету ректор Уралуниверситета. В августе 1937 года был арестован как «активный участник антисоветской террористической организации правых на Урале» и почти сразу расстрелян. О том, насколько высоко ценился этот человек до ареста, говорит тот факт, что он с семьей жил во Втором доме Советов (он же Дом чекиста) – единственном на тот момент 11-этажном небоскребе Свердловска, построенном для элиты. Его жену М. Н. Букину, которая работала геологом, на работу возила персональная пролетка. Реабилитирован в 1956 году.

П. П. фон Веймарн за работой в Уральском горном институте

ститут Императора Николая II [5]. Впоследствии официально это название не менялось, однако во всех документах вуз стал именоваться просто Уральским горным институтом [6].

В 1915 году на должность ректора института в Екатеринбург был приглашен профессор Петроградского университета Петр Петрович фон Веймарн [7]. Альма-матер фон Веймарна – это Санкт-Петербургский (Петроградский) горный институт, который он окончил в 1908 году и где продолжал преподавать до отъезда в Екатеринбург. Специальность фон Веймарна – коллоидная химия, он считается одним из основоположников этой науки.

Петр Петрович согласился на переезд в Екатеринбург, так как помимо научной работы имел собственные оригинальные теоретические наработки в области организации учебного и научного процесса высшей школы, которые хотел воплотить на практике. Поэтому, несмотря на то, что по приезде на Урал ему пришлось заниматься не только организацией учебного процесса, но и принимать участие в строительстве будущего здания института (он стал председателем Строительной комиссии), главные его устремления были направлены на создание вуза нового типа, основанного на принципах «энергетики культуры» [8]. Веймарн пригласил на Урал множество преподавателей, в том числе иностранных, и с 9 (22) октября 1917 года, когда в Уральском горном институте начались занятия, начал воплощать свои идеи в жизнь. Новаторство коснулось как студентов института (например, он считал, что число лекций нужно уменьшать, зато целый лекционный день посвящать какому-то одному предмету), так и преподавателей (их теперь оценивали не по выслуге лет, а по активности в научной и преподавательской деятельности). Под руководством Веймарна был разработан и принят Советом института оригинальный устав, где все эти нововведения были прописаны и узаконены. Также имеет значение тот факт, что этот институт, открывшийся еще до прихода к власти большевиков, объявил себя «вне политики», и с конца 1917-го до середины 1918 года сотрудничал с Советской властью, исходя именно из этого принципа.

К августу 1918 года, когда начала создаваться Горная академия в Москве, Уральский горный институт проработал уже учебный год. Однако именно в этот период в Екатеринбурге сложилась особая ситуация: в июле 1918 года власть в городе захватили войска Чехословацкого корпуса, все органы Советской власти были ликвидированы, а большевики и им сочувствующие бежали или были арестованы. Так что слова Дидковского

на совещании по устройству в Москве Горной академии о том, что «придется приостановить работу по созданию в Екатеринбурге горного института», не имели в тот момент никакого практического смысла – большевики просто не контролировали эту территорию. Однако в будущем судьба Уральского Горного решалась именно в Москве.

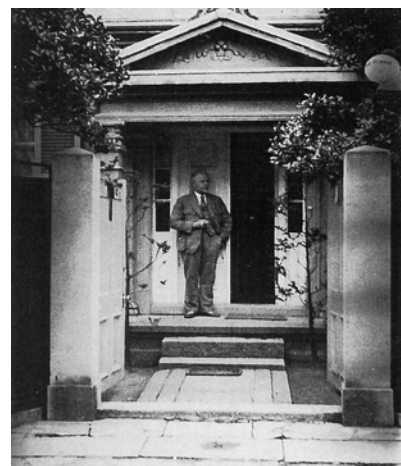
Советской власти в Екатеринбурге не было ровно год: с июля 1918-го по июль 1919 года. За это время здесь было создано Временное правительство Урала, а затем территория перешла под власть адмирала Колчака, объявившего себя Верховным правителем России. За этот период в Уральском горном институте прошел еще один учебный год. Этот период в истории вуза лучше всего задокументирован, так как по его итогам был выпущен научный журнал «Известия Уральского горного института»⁷. Этот журнал сохранился и был доступен в библиотеках и в советское время, однако он издавался в двух версиях: сокращенной (для студентов) и полной, а сохранилась лишь сокращенная версия; лишь совсем недавно в архивах удалось найти программную статью фон Веймарна из полной версии журнала [9].

В июле 1918 года, перед тем как войска Колчака оставили под натиском Красной Армии Екатеринбург, фон Веймарн принял решение об эвакуации института во Владивосток. Однако сам он в это время находился в командировке на востоке страны, а в Екатеринбурге приказу подчинились не все. В итоге создалась уникальная ситуация: осенью 1919 года практически одновременно начали занятия два Уральских горных института: один во Владивостоке под руководством фон Веймарна, а второй – в ставшем снова советским Екатеринбурге под руководством ученика Веймарна, которого он оставил исполнять обязанности ректора, – К. К. Матвеева.

Уральскому горному институту, эвакуированному во Владивосток, выделили помещение в здании Владивостокского коммерческого училища, которое было арендовано под Высший политехникум, вскоре переименованный во Владивостокский политехнический институт [10]. Самостоятельным Уральский горный институт оставался лишь около полугода, а потом влился в состав политехнического института. Зато Веймарн стал сначала проректором, а затем ректором всего этого политехнического института, причем в качестве его устава был принят устав Уральского Горного – то есть педагогический эксперимент ему удалось продолжить. Однако продлился он недолго: из-за Гражданской войны и меняющейся политической ситуации фон Веймарн покинул пост ректора, а затем эмигрировал в Японию, где долгие годы преподавал в Императорском научно-исследовательском институте, а также в Киотском императорском университете. Умер в 1935 году, и похоронен в Киото. А политехнический институт во Владивостоке с приходом Советской власти претерпел множество реорганизаций, однако сейчас существует горный факультет Дальневосточного федерального университета, основы которого были заложены уральцами.

К судьбе Уральского горного института в Екатеринбурге под руководством Матвеева мы еще вернемся, а сейчас расскажем о Дмитрие Николаевиче Артемьеве, основателе и первом ректоре Московской горной академии.

Начнем с того, что Артемьев, родившийся в 1882 году, всего на три

П.П. фон Веймарн на пороге своего дома в г. Кобе (Япония)

⁷ Ныне это журнал «Известия УГГУ», первый номер журнала доступен на сайте www.iuggu.ru

Д. Н. Артемьев, 1901 г.

Артемьев на Всероссийском совещании по реформе Высшей школы (сидит над склонившейся фигурой), 1918 г.

года младше Веймарна. Он закончил физико-математический факультет Московского университета, где занимался минералогией и кристаллографией под руководством профессора В. И. Вернадского, однако впоследствии стал учеником выдающегося кристаллографа Е. С. Федорова [11]. В 1907 году Артемьев переехал из Москвы в столицу, чтобы принимать участие в исследованиях, которые проводил Федоров в Санкт-Петербургском горном институте. То есть в течение нескольких лет Веймарн и Артемьев находились в одной и той же академической среде, занимаясь исследованиями (правда, разными) в одном и том же институте.

За годы работы в Горном институте Артемьев активно занимался научными исследованиями по кристаллизации шаров и в 1914 году защитил магистерскую диссертацию [12], а в 1915 году его работа была удостоена золотой медали Минералогического Общества.

Между тем Евграф Степанович Федоров, учитель Артемьева, признавая его таланты и достижения, все-таки называл Дмитрия Николаевича «карьеристом». И именно эта черта характера станет для него определяющей в ближайшие годы. В 1915 году Артемьев, который в Санкт-Петербургском горном институте занимал к тому времени должность адъюнкта, не дававшую полных профессорских прав, принял решение перейти в Варшавский технический институт, где его сразу назначили профессором.

Тут нужно сделать уточнение о том, что в 1915 году этот технический институт, хоть и назывался Варшавским, однако находился в Москве. Год Артемьев преподавал в Москве, однако в 1916 году институт перевели в Нижний Новгород. В Нижнем Новгороде ему не понравилось, поэтому он попытался вместе со своим помощником Н. М. Федоровским (его фамилию мы уже упоминали, когда рассказывали о совещании, посвященном организации Московской горной академии), который стал его ближайшим учеником, создать на базе вуза Горное Отделение и перевести его в Москву. Однако организованная ими кампания не смогла добиться успеха. Вновь попытку перевести институт в Москву они предприняли через год, когда после Февральской революции к власти в стране пришло Временное правительство. Но и это правительство не поддержало их планы, а сам Варшавский институт в это время был переименован в Нижегородский политехнический институт.

Здесь следует рассказать о Николае Михайловиче Федоровском немного подробнее, так как в этот период именно он сыграл важную роль в судьбе Артемьева. Дело в том, что Федоровский, ставший в 1908 году студентом Московского университета, еще с 1902 года (шестнадцатилетним подростком) увлекся револю-

ционным движением, а в 1904 году стал членом партии большевиков. С 1906 года он был членом боевого крыла партии под кличкой Степан Финляндский, участвовал в мятежах [13]. В Москву уехал учиться после того, как чудом избежал ареста после участия в одном из мятежей, но и здесь продолжал посещать революционные сходки. В 1911 году на одной из таких сходок был арестован, однако избежал тюремного заключения, отделившись исключением из университета. В этот период он уехал в геологическую экспедицию на Урал, где случайно познакомился с профессором В. И. Вернадским, который помог бывшему студенту восстановиться в университете. В 1915 году, когда Федоровский, уже защитивший диплом, перешел на работу к Артемьеву, его революционное прошлое считалось «пятном на биографии». А вот в 1917 году, когда к власти пришло Временное правительство, такое прошлое могло уже способствовать карьере: Федоровский стал активно сотрудничать с социал-демократами и вскоре стал в городе одним из лидеров большевиков. Однако, как мы помним, в тот период его поддержка не помогла Артемьеву перевести Отделение в Москву.

Все изменилось после прихода к власти большевиков. В этот период Федоровский при участии Артемьева в Нижнем Новгороде сумел устроить настоящий переворот в высшей школе: в марте 1918 года Исполком Нижегородского Совдепа, где Федоровский играл одну из ведущих ролей, принял решение о ликвидации всех высших учебных заведений города, чтобы вместо них к осени 1918 года создать общегородской университет.

Учебные заведения были ликвидированы, однако созданием там университета Федоровскому заниматься уже не пришлось: в апреле он был вызван в Москву, где ему дали высокую должность в ВСНХ.

Оставшийся в Нижнем Новгороде Артемьев подал прошение на должность профессора в создающийся Нижегородский университет. Однако обосновавшийся в Москве Федоровский не забыл о своем учителе, и уже в мае Артемьев был приглашен на работу в Наркомпрос РСФСР.

Таким образом, проект создания Московской горной академии, предложенный Артемьевым и активно поддержанный Федоровским – это не что иное как осуществление уже дважды предпринимавшейся попытки перевода обратно в Москву Горного Отделения бывшего Варшавского института.

И тут нужно отметить принципиальный момент. Несмотря на то, что и фон Веймарн, и Артемьев создавали свои вузы на той базе, которую могла предоставить уже созданная в стране высшая школа, подход их был принципиально разным. Если Вей-

Н. М. Федоровский

марн создавал в Екатеринбурге Горный институт еще до революции, пытаясь взять лучшее из существовавшей системы путем ее модернизации, то Артемьев уже создавал один из первых советских вузов путем реорганизации этой системы. Это хорошо иллюстрирует один факт: в то время Артемьев начал заявлять, что для поступления в институт будущим студентам не нужно иметь среднего образования. Во главу угла он ставил социальную принадлежность учащихся. И если фон Веймарн даже после прихода к власти большевиков заявлял, что высшая школа должна находиться вне политики,

то Артемьев срочно вступил в партию, став членом ВКП(б). Вернадский даже высказал удивление по этому поводу, заметив, что Дмитрий Николаевич вступил в партию, никогда до этого не будучи ни коммунистом, ни социалистом. В общем Артемьев начал создавать именно советский вуз, совершая все те «детские» ошибки, которые совершались в то время при создании разных учебных заведений повсеместно.

Кончилось это тем, что в 1921 году он разочаровался в Советской власти и, выехав по служебным делам в командировку в Швецию и Германию, предпочел больше не возвращаться на родину (практически одновременно с Веймарном), став, таким образом, в Советском Союзе такой же «персоной нон грата», как и фон Веймарн. Несколько лет Артемьев публиковался в зарубежных журналах, но затем прекратил научную деятельность, став... католическим священником. Умер, предположительно, в 1946 году.

Ученики Веймарна и Артемьева на их местах

И Веймарн, и Артемьев оставили после себя учеников, работавших потом в Советском Союзе. Веймарн – К. К. Матвеева, а Артемьев – Н. М. Федоровского.

В случае с Матвеевым все выглядит на первый взгляд неоднозначно. В июле 1919 года правительством Колчака было принято решение об эвакуации Уральского горного института во Владивосток, но Матвеев в отсутствие Веймарна (тот был в командировке) вместе с частью преподавателей и студентов не подчинился этому решению, оставшись в Екатеринбурге, из-за чего и случилось «раздвоение» вуза. Считается, что Матвеев пытался выехать, однако не успел этого сделать из-за сложностей с транспортом. Однако после этого он уже не пытался бежать, а наоборот, остался во главе института и осенью организовал начало учебного процесса.

Присмотримся к этому человеку поближе. Константин Константинович Матвеев – выпускник Петербургского университета, который до начала работы в Уральском Горном работал в геологических экспедициях и уже был известен своей минералогической коллекцией (позже она станет основой Уральского геологического музея). По сути, учеником Веймарна его можно назвать с некоторой натяжкой, так как их научные интересы лежали в разных плоскостях, однако именно Матвееву Веймарн доверил исполнять обязанности ректора. Почему? Исходя из всех дальнейших действий, которые предпринимал Матвеев, становится понятно, что Веймарн ставил именно на него, исходя из того, что этот человек всеми силами стремился к развитию Горного института. И в этом смысле он в Матвееве не ошибся.

Начнем с того, что Константин Константинович не уехал в эвакуацию, скорее всего, из-за отсутствия возможности вывезти свои минералогические коллекции, которые очень много весили. А уже оставшись, он во всех своих действиях в первую очередь руководствовался интересами института. Практически благода-

ря именно ему Горный в Екатеринбурге сохранился и продолжил работать, хотя пришлось решать множество вопросов с преподавательским составом, набором студентов, и главное – необходимостью снимать учебные помещения, так как собственное здание институт построить так и не сумел.

Все это удалось, однако в конце 1919–начале 1920 года в Екатеринбурге начался процесс создания Уральского государственного университета, который (по тем же лекалам, что и Нижегородский университет, о котором мы рассказывали выше) должен был вобрать в себя другие учебные заведения, в том числе и горный институт. В этот период Матвеев, хотя и был переизбран (ректором в ноябре 1919 года стал Н. Г. Келль, входящий в состав организационного комитета по созданию университета), прикладывал все силы для того, чтобы Горный остался самостоятельным вузом.

В Москве Матвеев нашел поддержку для сохранения самостоятельности института в лице Ф. Ф. Сыромолотова, того самого выходца с Урала, который на совещании в 1918 году голосовал против создания в Москве Горной академии. И здесь мы можем, наконец, ответить на вопрос, почему Сыромолотов был против Горной академии в Москве. Выросший и живший долго на Урале, Федор Федорович был, конечно, в курсе многолетних перипетий по открытию Горного в Екатеринбурге и, судя по всему, как и большинство уральцев, с симпатией относился к Веймарну, который прилагал неимоверные усилия для создания этого института. В 1918 году он считал, что отток преподавательского состава в Москву может плохо сказаться на развитии этого вуза, а в 1919–1920 годах вновь вступился за Уральский Горный. Именно Сыромолотов помог заручиться в этом вопросе поддержкой Л. Д. Троцкого, который в то время был в государстве вторым человеком после Ленина, а также видного партийца Г. Л. Пятакова.

Здесь нужно пояснить, что и Матвеев, и поддерживавший его Сыромолотов не были противниками университета; они ратовали за то, чтобы эти учебные заведения развивались самостоятельно. И после поддержки Троцкого вопрос можно было бы считать решенным, однако у сторонников единого университета покровители оказались еще могущественнее. Будущий первый ректор Уральского университета А. П. Пинкевич заручился поддержкой писателя Максима Горького, а тот в свою очередь – В. И. Ленина, причем именно Ленин высказал мысль о том, что в университете должно быть в том числе геологическое направление. «Почему в Вашем проекте, – заявил он в беседе с Горьким, – не говорится о технической и горной жизни Урала?» [14].

После этого спорить о чем-то было уже бесполезно: вопрос о ликвидации Уральского Горного и присоединении его к университету был уже решен. Однако Матвеев и Келль попытались предложить компромиссное решение: университет считать союзом институтов, каждый из которых имеет относительную самостоятельность. В ответ на это Екатеринбургскому Губисполкому в августе 1920 года пришлось в приказном порядке распустить Совет Горного института, а ректором назначить А. Е. Маковецкого – человека, абсолютно лояльного к проекту единого университета.

В октябре Ленин подписал декрет об учреждении Уральского государственного университета [15]. Поразительно, но даже после этого Матвеев, воспитанный Веймарном в духе свободылюбия и сумевший в своем вузе сохранить этот дух, не перестал бороться. Уже в ноябре и декабре 1920 года он вновь ездил в Москву, пытаясь добиться для Горного самостоятельности хотя бы внутри университета. И его вновь поддержал Сыромолотов! Однако кончилось все тем, что в начале 1921 года Матвеев был выведен из состава оргкомитета университета и лишился должности заведующего кафедрой минералогии. Можно сказать, что пострадал и Сыромолотов: в начале 1921 года он был вынужден уйти с высоких должностей и всю оставшуюся жизнь работал в «среднем эшелоне» власти.

Коротко расскажем о дальнейшей судьбе Матвеева. В 1925 году он снова стал заведующим кафедрой и оставался в этой

Ф. Ф. Сыромолотов

должности почти четверть века. Теперь он считается основателем Уральской школы минералогии и петрографии, а также одним из создателей Уральского геологического музея.

Теперь вернемся к ученику Д. Н. Артемьева – Н. М. Федоровскому. На момент отъезда Артемьева наиболее сильные позиции в Московской горной академии занимали профессора И. М. Губкин, оставшийся исполнять обязанности ректора, и В. А. Обручев, а Федоровский в это время тоже был за границей – в Берлине, куда был направлен в качестве главы Бюро иностранной науки и

техники. Он, в отличие от Артемьева, в Советский Союз вернулся, но уже не в горную академию – в 1923 году он возглавил Всесоюзный научно-исследовательский институт минерального сырья. Там он и работал до 1937 года, когда был арестован «за участие в антисоветской организации». Был осужден на 15 лет и отправлен в Воркуту, однако в 1942 году был переведен в Москву, где, будучи заключенным, работал в одной из «шарашек» – Институте удобрений, однако в 1944 году снова был отправлен в лагерь. Будучи расконвоированным заключенным, преподавал минералогию в Норильске, а затем работал на Норильском комбинате, но снова попал на общие работы. Дожил до освобождения в 1953 году и в 1955-м добился восстановления в Академии наук СССР. Умер в 1956 году в Москве.

Уральский университет и Московская академия

Если судьбы первых ректоров горных вузов – Веймарна и Артемьева – во многом схожи, но принципиально различаются созданные ими высшие школы, то куда больше общего можно найти, сравнивая Московскую горную академию и Уральский государственный университет, в состав которого влился Уральский горный институт. Похожи они, прежде всего, потому, что университет создавался уже как вуз советского типа, где принципиальное значение имела идеология.

Как мы уже упоминали, первым ректором Уралуниверситета⁸ был А. П. Пинкевич – педагог и организатор народного образования, приехавший в Екатеринбург из Петрограда специально для создания нового вуза. Однако ректором он был лишь в период становления университета (в 1920–1921 годах), а в 1924 году переехал в Москву, где преподавал во 2-м Московском университете.

А в 1921 году ректором Уралуниверситета стал Б. В. Дидковский, тоже знакомый нам по совещанию, на котором он был противником открытия Московской горной академии.

Однако мотивация Дидковского голосовать «против» была иной, чем у Сыромолотова. Если Сыромолотова можно считать до определенной степени сторонником вуза «веймарновского» типа, то Дидковский, несомненно, сторонник создания уже чисто советских

вузов, и он голосовал не против нового вуза как такового, а против того, чтобы этот вуз был в Москве. В 1918 году он уже был «представителем Урала», и его устремления были направлены именно туда. В 1919 году, когда Красная Армия оттеснила Колчака на восток, он вернулся в Екатеринбург, где сразу был поставлен на руководящую работу, связанную с геологией, а потом одновременно с этим занимал и должность ректора университета.

Тут нужно отметить, что Уралуниверситет перенес те же «детские болезни», что и большинство вновь создаваемых первых советских вузов. Почти сразу после создания он начал разваливаться, по сути, распадаясь на те самые институты, за самостоятельность которых ратовал Матвеев. В итоге к 1925 году в университете остались всего три факультета, два из которых в свое время были сформированы из Уральского горного института, и вуз был реорганизован и переименован в Уральский политехнический институт⁹.

Этот политехнический институт в 1930 году был разделен сразу на 10 институтов¹⁰, один из которых в 1932 году стал Уральским горным институтом¹¹. И именно этот вуз, переименованный в 1934 году в Свердловский горный институт, ныне называется Уральским государственным горным университетом (УГГУ). По сути, именно тогда Уральский Горный, сохранивший основы, заложенные еще Веймарном, вновь стал самостоятельным вузом.

Похожая картина в том же 1930 году произошла и в Московской горной академии: она была разделена на 6 новых институтов¹², одним из которых был Московский горный институт (считавшийся правопреемником академии), ныне входящий в состав Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» в качестве Московского горного института (МГИ).

Таким образом, Уралуниверситет и Московская академия были уже близкими по духу вузами, не противостоявшими друг другу. А отголоски противостояния в начальном периоде проявились лишь однажды – в 1925 году, когда в Главпрофорбе¹³ сложилось мнение о том, что Горный факультет нужно закрыть, так как «в стране уже есть три вуза, в которых готовят инженеров для гор-

К. К. Матвеев

Б. В. Дидковский

⁸ Именно такое сокращение было принято в 20-х годах. Позже Уральский государственный университет, который считался правопреемником этого вуза, имел другое сокращение – УрГУ. Ныне УрГУ вошел в состав Уральского федерального университета (УрФУ).

⁹ При создании Уралуниверситета Уральский горный институт, вошедший в состав этого университета, был разделен на два: собственно Горный и Политехнический. В 1925 году, когда принималось решение о реорганизации университета, новый вуз постановлением Совнаркома сначала решили назвать Горным институтом, но затем поменяли это решение. Этот вуз считается родоначальником УГГУ-УПИ – вуза, на базе которого (путем слияния с УрГУ) сейчас создан Уральский федеральный университет.

¹⁰ В июле 1930 года он был разделен сначала на 8 институтов: появились Уральский институт черных металлов, Уральский институт цветных металлов, Уральский геологоразведочный институт (на базе геологического отделения горного факультета), Химико-технологический институт, Уральский механико-машиностроительный институт, Строительный институт, Лесотехнический институт и Физико-механический институт. А в сентябре появились еще два института: из Уральского института цветных металлов был выделен самостоятельный Уральский горный институт угольных и нерудных ископаемых, а из Уральского механико-машиностроительного – Энергетический институт.

¹¹ Путем объединения Уральского горного института угольных и нерудных ископаемых с Уральским геологоразведочным институтом.

¹² Московский государственный геологоразведочный институт, Московский горный институт, Московский нефтяной институт, Московский институт цветных металлов и золота, Московский институт стали (черной металлургии), Московский торфяной институт.

¹³ Главное управление профессионального образования.

ной промышленности» (имелись в виду Петроградский горный институт, Московская горная академия и Сибирский технологический институт), причем один из профессоров МГА даже бросил: «Зачем Уралу горфак? Там и угля-то нет». Отстоять факультет перед Главпроффорбом удалось лишь к 1926 году, а до этого он «висел на волоске» [16].

В дальнейшем же эти вузы стали во многом похожи друг на друга и долгие годы сотрудничали между собой как два института одного профиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия. № 166 от 6 августа 1918 г.
2. Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург: УГГУ, 2014. С. 36.
3. Шорин А. Г. Два года, о которых мы забыли (Уральский горный институт в 1917–1919 гг.) // Изв. УГГУ. 2016. № 4 (44). С. 105–108.
4. Здание очень красивого и величественного вида с надписью «Горный институт» (взгляд на нас из XIX века) // Изв. УГГУ. 2016. № 4 (44). С. 103–104.
5. Поленов Ю. А., Шириханова Н. А. Страницы истории УГИ–СГИ–УГИ–УГТГА–УГГУ // Изв. УГГУ. 2013. № 3 (31). С. 75–79.
6. Шорин А. Г. Здания Уральского Горного // Изв. УГГУ. 2017. № 1 (45). С. 109–125.
7. Шорин А. Г. Статья о Петре Петровиче фон Веймарне для русской «Википедии» // Изв. УГГУ. 2016. № 2 (42). С. 97–100.
8. Веймарн П. П. Этюды по энергетике восприятия и творчества: I. О рациональной постановке физико-технического образования в целях поднятия научной и технической продуктивности страны. Петроград: Книгоиздательство «Естествоиспытатель», 1915.
9. Веймарн П. П. Очерки по энергетике культуры // Изв. УГГУ. 2016. № 2 (42). С. 101–109.
10. Хисамутдинова Н. В. Уральский горный институт во Владивостоке // Изв. УГГУ. 2016. № 3 (43). С. 123–126.
11. Блох Ю. И. Крутые виражи Дмитрия Артемьева // Природа. 2010. № 7. С. 70–77.
12. Иванов О. А. Первый ректор Московской горной академии // Изв. вузов. Горный журнал. 2009. № 1. С. 95–106.
13. Блох Ю. И. Исторические корни и учредители Московской горной академии // Геофизический вестник. 2008. № 8. С. 8–14.
14. Главацкий М. Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 255 с.
15. Декрет СНК РСФСР от 19 октября 1920 года.
16. Шорин А. Г. Здания Уральского Горного // Изв. УГГУ. 2017. № 2 (46). С. 124–137.

Александр Георгиевич Шорин,

sandy_blood@mail.ru

Уральский государственный горный университет
Россия, Екатеринбург, ул. Куйбышева, 30